

Philologica russica et speculativa tomus VII

М. И. ШАПИР

UNIVERSUM VERSUS

ЯЗЫК — СТИХ — СМЫСЛ
в русской поэзии XVIII—XX веков

Книга вторая

Языки славянской культуры

Москва 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ш 23

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-04-16115

Ш 23 Шапир М. И.

Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков / Под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — Кн. 2. — XXII, 586 с., 1 л. портр. — (Philologica russica et speculativa; Т. VII).

ISBN 978-5-94457-227-1

Вторую книгу монографии М. И. Шапира (1962–2006) составили исследования по истории русского стихотворного языка XVIII—XX вв., а также по истории русского стиховедения и лингвистической поэтики (от Московского лингвистического кружка до наших дней). На материале произведений Ломоносова, Пушкина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, Д. Хармса, А. Твардовского, И. Бродского, Д. А. Пригова, Т. Кибирова и др. автор исследует взаимоотношения языка, стиха и смысла и развитие русской стиховой культуры. В приложение включены статьи М. И. Шапира, непосредственно примыкающие по своему содержанию к теме монографии, а также полная библиография его опубликованных работ.

УДК 80/81

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-227-1

9 785944 572271 >

- © М. И. Шапир (наследники), 2015
- © Языки славянской культуры, 2015
- © М. В. Акимова, статьи, 2015
- © А. С. Белоусова, статьи, 2015
- © И. А. Пильщиков, статьи, 2015
- © В. С. Полилова, статьи, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

UNIVERSUM VERSUS

О настоящем издании	vii
<i>М. В. Акимова, И. А. Пильщиков</i>	
М. И. Шапир: штрихи к портрету	xi

Часть III. История (XVIII, XIX и XX век)

В поисках незнакового языка (Звук и смысл в поэзии раннего Хлебникова)	3
1. О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура)	3
2. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова (К реконструкции «московского мифа»)	10
Символическая заумь Федора Сологуба: между ложью и фантазией	18
Псевдобиблейские квазиантропонимы в авангардном поэтическом тексте	26
Время и пространство в поэтическом языке Мандельштама (С примечаниями Е. П. Сошкина)	33
Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона	46
К семантике «пародического балладного стиха» («Солнце» Маяковского в тени Баркова)	62
Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)	100
Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)	145
Данте и Тёркин «на том свете» (О судьбах русского бурлеска в XX веке)	151

Содержание

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	166
О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)	237
Семантические лейтмотивы иронии-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	257

Часть IV. История науки

«Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона)	327
М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха	346
«...Домашний, старый спор...» (Б. И. Ярхо против Ю. Н. Тынянова во взглядах на природу и семантику стиха)	384
Проблема границы стиха и прозы в свете лингвистического учения Р. О. Якобсона	389
«Семантический ореол метра»: термин и понятие (Историко-стиховедческая ретроспекция)	395
Гаспаров-стиховед и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стиховедческому комментарию	405

Приложения

Из «Литературной энциклопедии терминов и понятий»	441
Литературный язык	441
Язык художественной литературы	447
Московский лингвистический кружок (МЛК)	456
Contra philologiam: Лингвистическое и идеологическое в книге М. М. Бахтина и В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка» (Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. А. Пильщиков)	459
А. С. Белоусова, В. С. Полилова Ненаписанная статья М. И. Шапира о «стихах на карточках» Льва Рубинштейна	483
Список опубликованных работ М. И. Шапира (1986–2015)	496
Библиография	511
Именной указатель	567

**«...ДОМАШНИЙ, СТАРЫЙ СПОР...»
(Б. И. Ярхо против Ю. Н. Тынянова
во взглядах на природу и семантику стиха)**

<...> понимание исторического универсума <...> требует критической оценки, и это может оставаться неясным лишь для того, кто <...> разделяя господствующее недоверие к научной философии ценностей, решается высказывать оценки только в завуалированной форме, для того чтобы создать видимость чисто «теоретического» подхода, свободного от всякой оценочности.

Г. Риккерт, «Философия истории»

Мне кажется, статья М. В. Акимовой о полемике Ярхо с тыняновской концепцией стихотворного языка ^[1] может вызвать у читателей досадное ощущение недосказанности. Воссоздавая картину непримиримой борьбы между разными течениями в русском «формализме», автор уклоняется от оценки противоборствующих сторон, которую, по всей видимости, считает несовместимой с научным изложением исторических (в данном случае — историко-научных) фактов. Но читатель, обращаясь к подобного рода исследованиям, обычно не столь ригористичен: не всякий в этом признаётся, однако всякому хотелось бы знать, «кто более материалистически ценен» — или, по крайней мере, кто представляется таковым историку.

Что касается ситуации с Ярхо и Тыняновым, то желание понять, на чьей стороне была правда в этом старом споре, законно вдвойне, ибо, во-первых, речь идет о несогласии между крупнейшими русскими филологами XX в., а во-вторых, это несогласие касается коренных вопросов нашей науки. Поскольку в данном отноше-

«...Домашний, старый спор...» (Б. Ярхо против Ю. Тынянова о природе и семантике стиха)

нии статья М. В. Акимовой помогает читателю не многим, «неблагородную» задачу исторической оценки мне придется взять на себя. При этом обвинения в субъективизме будут самыми мягкими из тех, что я рискую вызвать, потому что оценить процесс исторического развития — значит «не только опосредовать прошлое во имя настоящего и будущего, но и „судить“ его, то есть мерить его ценность с точки зрения идеала (an dem, was sein soll)» (Rickert 1924, 131).

Уподобляясь персонажу анекдота про судью, сразу скажу, что, на мой взгляд, правы оба, но по-разному: Ярхо почти всегда был прав в частностях, однако ошибался в главном, а Тынянов, наоборот, приближаясь к истине в главном, очень часто ошибался в частностях. Его способ подачи идей и материала вызывал у Ярхо обоснованные претензии — в записях для внутреннего пользования он говорил о «нелогичности мышления», «разгильдяйстве в выражениях» и даже об «особенном» идиотстве критикующего автора². Но изъян в рассуждениях не обязательно отменяет истинность выводов: если школьник допустил ошибку, доказывая теорему Пифагора, усомнимся ли мы в том, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов? На протяжении трех с половиною столетий математикам не удавалось найти общее доказательство великой теоремы Ферма: сформулированная около 1630 г., она была доказана Эндрю Уайлсом (Wiles) только в 1995 г. Судьба тыняновских прозрений в чём-то оказалась сходной: их темное и путаное изложение на сутубого рационалиста Ярхо произвело неприятное впечатление полной бездоказательности.

Впечатление, надо признать, во многом оправданное. Я по собственному опыту знаю, как непросто уяснить мысль Тынянова: часто ее понимаешь, когда уже сам, своим умом пришел к аналогичным заключениям, причем без какой-либо помощи со стороны неудобочитаемого автора (ср. Шапир 1996в, 69). Эти недостатки его книги (Тынянов 1924б) нельзя считать маловажными и второстепенными; они касаются самой сути науки как одного из языков духовной культуры (Шапир 1990г, 130 и далее; 1993в, 121 и далее): научные высказывания по своей природе должны обладать четкостью, ясностью, логической непротиворечивостью и поддаваться проверке, то есть быть в принципе доказуемыми либо опровержимыми (Шапир 2001г). Именно так думал Ярхо: он считал, что «научность является свойством не познания, а изложения» (1925—1927, № 2: 46; ср. Шапир 1993в, 128—129; ОР, 125)³. «Нелогичность», «неясность», «безпочвенность» теоретических построений Тынянова⁴ выводила их в глазах Ярхо за рамки науки как таковой — вот почему он осмеливался утверждать, что от воззрений, подобных тыняновским, современная «наука <...> свободна» (Ярхо 1925—1927, [т. III], кн. I: 37;

ср. Акимова 2001/2002, 209). Мне кажется, однако, точнее было бы сказать, что филологам еще предстояло сделать многие из этих воззрений научными.

Что же невнятице Тынянова мог противопоставить его оппонент? Взамен ненаучных истин он предлагал научные заблуждения. Тынянов был уверен, что «*vers libre* можно назвать прозой только разве в полемических статьях, а прозу Белого никто не сочтет стихами» (1924б, 38). Но со столь категоричными формулировками Тынянов явно поторопился: не только свободный стих, но и пушкинского «Балду» Ярхо считал прозой, а метризованную прозу «Записок Чудака» не обвиняясь полагал стихами (Акимова 2001/2002, 216)⁵. Чисто статистический метод «разграничения» стихотворной и прозаической речи, при котором между ними *de facto* стиралась всякая граница, приводил Ярхо к анекдотическим последствиям: авторской интенции и читательской интуиции они противоречат несравненно больше, чем концепция Тынянова, согласно которому достаточным «сигналом стиха» является особая графика — принудительное деление текста на относительно короткие строки (Тынянов 1924б, 31). Я объяснял, почему этим пониманием стиха тоже удовольствоваться нельзя (см. Шапир 1995а, 13–14; 2000, 42–44), но его, судя по всему, проще «додумать» до истины, чем псевдоопределение Ярхо, которое неминуемо заводит в тупик⁶. Даже маловразумительные выкладки Тынянова (1924б, 40), провозгласившего «мерилом» ритмичности свободного стиха каждую его строку, непредсказуемо отличную от соседних (ср. Акимова 2001/2002, 216–217), начинают восприниматься по-новому в свете недавних исследований, выявивших имплицитные ограничения, которые накладываются на длину строки в верлибре (см. Шапир 1999/2000а ^{237–256}). Хотя существования этих ограничений Тынянов не доказал, он их, несомненно, ощущал: «<...> количественное содержание стихового ряда ограничено: единство количественно слишком широкое либо теряет свои границы, либо само разлагается на единства, т.-е. перестает быть в обоих случаях единством» (Тынянов 1924б, 39).

Высказанная оценка распространяется и на вклад обоих ученых в теоретическое осмысление стиховой семантики. Конечно, сама по себе версификационная конструкция не способна сообщить слову новое значение — в этом Ярхо был прав⁷. Но Тынянов тонко почувствовал, что можно повысить значимость слова, выделив его средствами стиха. Поэты нередко пользуются этим приемом: так, в отрывке из «Альбома Онегина» с помощью синтаксических переносов Пушкин подчеркивает «весомость» слов, которые в прозе, при записи *in continuo*, не играли бы заметной роли. Слова эти — местоимения *всё* и *все* в косвенных падежах:

Вечор сказала мне R. C.
 Давно желала я вас видеть
 Зачем? — мне говорили все

«...Домашний, старый спор...» (Б. Ярхо против Ю. Тынянова о природе и семантике стиха)

Что я вас буду ненавидеть
За что? — за резкий разговор
За легкомысленное мнение
О всем; за колкое презрение
Ко всем; однако ж это вздор<.>

(Пушкин 1937–1949, 6: 615)

Место полисемичного слова в стихе может сказаться не только на его значимости, но и на лексическом значении. Бывает, что при одинаковой последовательности словоформ положение внутри стиховой конструкции актуализирует такое значение слова, какое — без помощи пауз и эмфатической интонации — никогда бы не проявилось в прозе:

Я пришел, она спала,
Попросил, она дала...
Два соленых огурца
И поллитровочку винца.

(Топорков 1995, 441)

Излишним кажется многоточие, выставленное публикаторами частушки после первого двустипия: для того чтобы у глагола *дать* «пробудить» эротическое значение, достаточно иллюзии синтаксической и версификационной полноты, которая к тому же поддерживается контекстом (*она спала*). Та же самая синтаксическая конструкция в прозе не оставляет места для флиртных намеков (...она дала два соленых огурца...) ⁸.

Стих влияет не только на семантику текста — он способен вызывать к жизни феномен управляемого подтекста, без учета которого понимание обречено быть неполным и неадекватным. Снова приведу фольклорный пример, оголяющий суть явления [которое, однако, может встречаться и в литературном стихе, как мы это видим у Батюшкова (см. Шапир 1993а, 70–72; 2000, 212–214) или в отброшенной <XVIII> строфе «Домика в Коломне» (см. Пушкин 1937–1949, 5: 381)]:

Барон держал семью в узде,
Бил баронессу по **субботам**,
Чтобы отбить у ней охоту
К воскресной верховой езде.

Хотя теория стиха, по-моему, была чуть ли не самой слабой стороной творчества Ярхо, его полемику с тыняновской концепцией не следует считать бесплодной. Для начала, Ярхо показал, что своей интуиции надо искать гораздо

более серьезные обоснования, чем это привык делать Тынянов. Кроме того, критика общих рассуждений о смысле стиха, не обладающих принудительной истинностью ни для кого, включая самого автора, побудила Ярхо обратиться к поиску конкретных зависимостей между фоникой, стилистикой и тематикой. Поиски Ярхо увенчались успехом и дали многообещающие результаты — но об этом в своей статье хорошо написала М. В. Акимова.

Примечания

¹ См. Акимова 2001/2002 (с. 207–225). Заметка Шапира была опубликована следом за этой статьей в 7-м томе журнала «Philologica», см. Шапир 2001/2002 (с. 239–246). — *Ред.*]

² См. РГАЛИ, ф. 2186 (Б. И. и Г. И. Ярхо), оп. 1, ед. хр. 50, л. 15 об.

³ Тех же взглядов придерживался В. П. Зубов, коллега Ярхо по ГАХН: «Наука есть один из видов человеческого языка (нет научного бытия, есть научное изложение)» [Там же, ф. 941 (Государственная академия художественных наук), оп. 1, ед. хр. 25, л. 3; из тезисов доклада В. П. Зубова «Генезис научной терминологии (к истории научного языка)»].

⁴ Там же, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 50, л. 15 об.

⁵ Под определение Ярхо [стих—это «огранич~~енный~~» паузой отрывок речи, который либо сам повторяется, либо содержит равномерно повторяющиеся элементы» (Там же, ед. хр. 83, л. 13)] идеально подходит, например, такая фольклорная проза (читать ее положено с окаящим акцентом): «Однажды отец Онуфрий, обходя окрестности Онежского озера, обнаружил обнаженную Ольгу. „Отдайся, Ольга, озолочу!“ — „Отойди, отец Онуфрий, оторву отросток окаянный!“ Ослушался отец Онуфрий» и т. д.

⁶ На сегодняшний день мне кажется наиболее адекватным взгляд на стих как на дополнительное измерение речи, единицы которого находятся друг с другом в парадигматических отношениях, выступая как варианты общего инварианта (см. Шапир 1995а; 1996а, 273–277 ^{406–411}; 2000, 36–75, 82–83).

⁷ См. РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 83, л. 7; Акимова 2001/2002, 210–211; ср. Винокур 1941, 162; Шапир 1990в, 343.

⁸ Ср. близкий прием в книжной поэзии — «Благодарумие» А. К. Толстого:

Кто мне друг, тот друг мне вечно,
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я,
По-австрийски, по-австрийски!

Благодаря стихоразделу успевают реализоваться два значения глагола *служить*: прямое ('действовать на благо кого-л.') и фразеологическое (*служить по-австрийски* 'изменять, предавать'). В прозе подлинный характер «служения» выясняется сразу: *Всем союзникам я служу по-австрийски.*